

А. Д. Кошелев
(Москва)

**ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК ГЕНЕРАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС:
КОГНИТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
(СВЯЗАННАЯ СО СЛОВОМ СТРУКТУРА КОНЦЕПТОВ) →
ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
(НАБОР УЗУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ)**

*Игорю Мельчуку,
сочетающему в себе лучшие качества птицы и лягушки*¹

Резюме: В статье объясняется необходимость строгого различения в значении слова двух относительно независимых составляющих: **когнитивной (ядерной)** — структуры концептов, на основе которых порождаются (→) новые узуальные и окказиональные значения слова, и **языковой (периферийной)** — набора порожденных ранее и уже устоявшихся смыслов, управляющих узуальными употреблениями слова. В соответствии с предлагаемой дихотомией значений все употребления слова распадаются на два класса: **когнитивные** употребления, обеспечиваемые процедурами идентификации референта (в этом случае и говорящий, и адресат знают референт эмпирически), и **смысловые**, не требующие ни эмпирического знания референта, ни его идентификации.

Ключевые слова: полисемия, когнитивное значение, производное значение, окказиональные словоупотребления, концепты, метафора, порождение значений.

---

¹ Согласно классификации американского физика-теоретика Фримена Дайсона (Дайсон 2010: 859—860): «Бывают ученые-птицы, а бывают и ученые-лягушки. Птицы парят в вышине и обзревают обширные пространства... сколько видит глаз... и наслаждение для них — совместно рассматривать задачи, возникающие в разнообразных элементах пейзажа. Лягушки же копошатся далеко внизу в грязи и видят только растущие поблизости цветы. Для них наслаждение — внимательно разглядывать конкретные объекты; задачи они решают последовательно, одну за другой». По мнению Дайсона, Фрэнсис Бэкон был лягушкой (он утверждал: «Самое главное — не давать умственному взору отвлекаться от созерцания природных фактов»), а Рене Декарт — птицей («По Декарту ученым следует сидеть дома и исключительно силой мысли постигать законы природы»). Игорь Александрович принадлежит к редкому виду ученых, которые соединяют в себе лучшие качества и тех, и других. Если придерживаться введенной Ф. Дайсоном терминологии, то его следовало бы назвать летучей лягушкой.

S u m m a r y: The article argues that the meaning of the word contains, along with the language component — the set of senses — also the cognitive component — the structure of concepts, which is used to generate new senses of the word. Thus, the full meaning of the word is a generative complex: the cognitive meaning → the language meaning.

Key words: lexical polysemy, cognitive and linguistic meaning, concepts, conceptual metaphor, central meaning, variants of central meaning.

1. Введение

1.1. Цели статьи. Современная научная лексикография, идущая в фарватере идей Ф. де Соссюра, основное внимание уделяет синхроническому анализу лексикона, т. е. нацелена на описание его устоявшегося на сегодняшний день состояния — на инвентаризацию лексических значений и экспликацию алгоритмов употребления слов в речи. Между тем, столь же важное место в лексической семантике должен, на наш взгляд, занимать и анализ ее диахронического аспекта. Можно напомнить в связи с этим мнение А. А. Реформатского:

Мы не можем забывать, что основное требование диалектики в науке состоит в том, чтобы изучать явления и в связи, и в развитии. Разрыв синхронии и диахронии, провозглашенный Соссюром, дважды нарушает это положение, ибо его синхроническое изучение языка рассматривает явления в связи, но вне развития, а диахроническое изучение рассматривает явления в развитии, но вне связи (Реформатский 1996: 27).

Данная статья посвящена диахроническому аспекту значения слова, которым издавна занималось историческое языкознание, а именно: изучению процессов модификации лексических значений, образованию новых узуальных и окказиональных значений, и т. п., см. напр., главы «Семантические изменения» в (Блумфилд 2002: 465—486) и «Изменения значений слов» в (Пауль 1960: 93—128). Естественно задаться вопросом: а корректно ли изучать по отдельности эти две стороны значения, столь тесно, казалось бы, связанные между собой. Прделанный нами предварительный анализ позволяет дать положительный ответ на этот вопрос. Как мы покажем ниже когнитивные семантические механизмы, **формирующие новые словесные смыслы (новые значения и окказиональные употребления слов)** вполне самостоятельны (отделены от сугубо языковых семантических механизмов употребления слов на основе уже сформировавшихся узуальных смыслов), поскольку используют свои собственные (чисто когнитивные) компоненты — концепты, обособленные от узуальных смыслов. Указанное разделение когнитивных и языковых значений слова и механизмов их использования — следствие более общего и вполне органичного размежевания когнитивного и лингвистического аспектов функционирования языка.

1.2. Теория В. В. Виноградова. Обратимся к когнитивной составляющей значения слова, и шире — к динамике генеративных семантических процессов. Далее нас будет интересовать прежде всего модификация самой подвижной части ментального лексикона — образование производных значений и окказиональных употреблений слов. Интерес к порождающим семантическим механизмам предопределил и выбор базовой лексикографической теории. В последующем анализе мы будем опираться на концепцию В. В. Виноградова (Виноградов 1977), с ее различием в знаменательном слове **основного** (свободного) и **производных** (фразеологически связанных) значений. Например, слово *букет* имеет основное значение: 1. 'Красиво подобранный пучок цветов' и производное значение: 2. 'Определенная совокупность ароматических и вкусовых свойств'. *Вино имеет букет. Букет чая* (Словарь Ушакова).

Согласно теории В. В. Виноградова, основное значение слова выражает «общечеловеческое, понятийное, логическое содержание», понимание «кусочка действительности...» (Виноградов 1977: 163). Иначе говоря, оно задает категорию своих «основных» референтов — внеположных языку явлений (предметов, живых существ, действий или качеств). С объяснением производного значения дело обстоит сложнее. По мнению В. В. Виноградова, оно «лишено глубокого и устойчивого понятийного центра», поскольку «обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа» (Там же: 189). Сходным образом трактует его и Е. Курилович (он вводит аналогичную оппозицию: «главное *vs* частное значение»): «По нашему мнению, частные значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста» (Курилович 1955: 78; разрядка автора. — А. К.).

Как мы покажем ниже, эти трактовки нуждаются в существенном уточнении. Производные значения слов относятся к числу важнейших продуктов генеративных семантических процессов, поэтому объяснение их сущности будет одной из наших главных целей. В настоящей статье мы сосредоточимся только на одном их типе — на метафорических значениях.

1.3. Образование новых узуальных и окказиональных значений. Поясним теперь общую логику дальнейших рассуждений.

Изменение упомянутой выше подвижной части лексикона и возникновение у слов новых производных значений можно коротко описать так. Носители языка в своей речи постоянно используют слова в новых, окказиональных значениях, не обусловленных узуальными значениями этих слов². Каж-

---

² Мы здесь следуем Герману Паулю, который считал, что «изменения значений слов... осуществляется путем отклонений в индивидуальном употреблении узуаль-

дое такое значение в большинстве случаев возникает в сознании говорящего **спонтанно** и всегда **приурочено к конкретному референту, поскольку называет** какое-то его **специфическое свойство, сходное с некоторым типичным свойством «основных» референтов**, задаваемых основным значением слова. Чаще всего это значение тут же забывается и говорящим, и слушающим, исчезая из их кратковременной памяти вместе со своим референтом и его свойством. Однако в некоторых случаях, когда подобные референты начинают повторяться и становятся актуальными в той или иной языковой среде, данное окказиональное значение «приживается», т. е. **остается** в долговременной памяти носителей языка **вместе с референтом и его специфическим свойством** (которое оно называет), **превращаясь** тем самым **в еще одно узуальное значение** слова.

Классическим примером здесь может служить недавно возникшая компьютерная среда, в которой первоначально окказиональные значения типа: *чтение/запись/запоминание данных, память, мышь* и т. д. сначала стали компьютерным жаргоном, а затем, по мере внедрения компьютеров в обиходную человеческую жизнь, приобрели статус узуальных значений. Как можно заметить, каждое такое **узальное значение называет** свои (производные) **референты по их характерному свойству, сходному с каким-то типичным свойством основных референтов** этого слова: манипулятор мышь внешне похожа на мышку, компьютерная память функционально аналогична человеческой памяти и т. д.

Иногда объект с его специфическим свойством давно актуален в данной среде. В таком случае окказиональное значение может сразу прижиться в ней, если оказывается удачной — лаконичной и емкой — характеристикой этого объекта и его свойства. Например, кто-то впервые назвал характерную совокупность вкусовых качеств определенного напитка (сорта вина, вида чая) *букетом*. Это употребление сначала закрепилось в среде профессиональных сомелье и знатоков вина, а затем стало использоваться в обыденной человеческой жизни. Общий семантический компонент, связывающий его с основным значением, очевиден. Другой пример: кто-то впервые назвал школьника, уделяющего слишком много времени учебе, в ущерб другим аспектам своей

ного и путем постепенного превращения такого индивидуального употребления в узальное. Возможность, или, лучше сказать, необходимость изменений значений вытекает из того факта, что значение, приобретаемое словом в каждом отдельном акте употребления, не обязательно должно совпадать со значением, присущим слову как таковому согласно узусу». «Окказиональным значением» Пауль называл «те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и которые, как он полагает, свяжет в свою очередь и слушатель с этим словом» (Пауль 1960: 93—94).

жизни, *ботаником*. Это употребление быстро стало популярным в молодежном сленге. Общее свойство, связывающее его с ботаникой, также понятно: ботанику нельзя быстро понять, ее нужно заучивать, зубрить.

По-видимому, аналогичный случай имел место и с метафорами физика Ф. Дайсона. Разделение ученых на теоретиков и практиков (экспериментаторов) существовало и до него. Но он подробно проанализировал эту дихотомию и назвал первых — *птицами*, а вторых — *лягушками* (см. сноску 1 в данной статье). Отметим, что здесь, как и в ряде других случаев, свойством, мотивирующим метафору, было типичное **действие объектов-референтов** (а не их внешний облик): для птиц — «парить в вышине и обозревать обширные пространства», а для лягушек — «копошиться... в грязи и видеть только растущие поблизости цветы».

Эти же процессы нередко приводят и к формированию нового основного значения взамен прежнего. Цепочка преобразований здесь на одно звено длиннее: окказиональное производное значение — узуальное производное значение — новое основное значение. Проиллюстрируем ее двумя примерами.

1. Рассмотрим слово *зонтик*. Приведем его этимологию из Словаря Фасмера: «**ЗОНТ**, *зонтик*; стар. *зондек*, “тент, полотно или парусина, растягиваемые над палубой (для защиты от солнца и дождя)”. Первоначально слово морск. языка, заимствов. из голл. *zondek* “защита от солнца”. *Зонт* — новообразование от *зонтик*» (Словарь Фасмера, 2: 104). Итак, основным значением слова *зонтик* первоначально было — ‘тент, навес, защищающий от солнца и дождя’. Затем, когда стали появляться «ручные складные щитки для защиты от дождя и солнца» (см. статью ЗОНТ в (Словарь Даля, I: 693)) их стали называть *зонтиками*. Это первоначально окказиональное значение быстро превратилось в производное значение ‘Ручное приспособление в виде гриба от дождя и солнца’ (БТС). Далее, когда ручные зонтики стали привычным предметом домашнего обихода, это значение стало основным, а значение ‘тент, навес’ — производным от него³.

2. Л. Блумфилд описывает замечательный случай, когда исследователю удалось найти первые контексты, в которых слово начинает употребляться в окказиональном значении. Затем это значение становится основным, замещая прежнее основное значение слова.

Шпербергу удалось найти контекст, иллюстрирующий расширение старого значения немецкого слова *Korff* «чаша, ваза, горшок» в значение

³ Ср. известный тезис Л. Витгенштейна: «43. Для большого класса случаев — хотя и не для всех, — где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова — это его употребление в языке» (Витгенштейн 1994: 99). В контексте сказанного он обретает вполне реальные основания.

«голова»: это новое значение впервые появляется в имеющихся в нашем распоряжении текстах конца средних веков, в тех текстах, где речь идет о том, как разбивают чью-то голову (...) новое содержание становится, несомненно, центральным значением (Блумфилд 2002: 482).

На первый взгляд, здесь и проблемы-то никакой не было: голова своей округлой формой напоминает горшок (ср.: *голова сыра; и не повернув головы кочан; the head of a cabbage*), да и функцию горшка можно уподобить «варению» мыслей. Однако, как оказалось, мотивирующим для данного метафорического значения стало типичное «действие» горшка: он часто разбивается.

З а м е ч а н и е. В связи с этим примером обратимся к русским метафорическим названиям человеческой головы. Как отмечается в (Матюшенко 2007): «31 метафора используется для называния головы: *башня, будка, чан, ведро, голубятня, жбан, дыня, тыква, калькулятор* и т. д.». Остановимся на первой же метафоре (*голова — башня*). Казалось бы, мотивирующее свойство для образования этой метафоры очевидно: типичный внешний облик башни — «узкая и возвышающаяся над своим окружением». Подобным же образом голова возвышается над плечами. Однако в свете сказанного выше можно выдвинуть другую, более привлекательную гипотезу. Согласно Словарю Брокгауза и Ефрона (статья БАШНЯ) с середины XIX века в России стали появляться военные башни: «броненосные и вращающиеся... верхняя часть их имеет форму купола». Они уже не обязательно доминировали над окружением своей высотой, как обычные башни (водонапорная и др.). Главным их свойством была способность вращаться вокруг своей оси влево и вправо, ср.: *башня танка*. Можно предположить, что сначала у слова *башня* появилось производное значение 'вращающаяся военная башня', а затем свойство вращения («действие») военной башни мотивировало метафору *голова — башня*. Иначе говоря, здесь имеет место не радиальная, а цепочечная метафора: основное значение 'башня' — производное значение 'вращающаяся военная башня' — производное значение 'голова человека'.

Как мы видим, метафоризируются прежде всего внешний облик референтов слова и их типичные действия. Это можно наблюдать уже в первых детских метафорах, ср.: «Двухлетняя Ася П. называет вязаную шапочку на голове матери *грибом*... Жаклин (2 года и 3 месяца), держа расческу над головой, говорила: *Это зонтик*. (...) Ребенок надел пустую головку от мака на пальчик: *Это наперсток*» (Елисеева 2008: 84, 86, 115; Кошелев 2011а: 61).

Новые производные значения («выжившие» окказиональные употребления) легко обнаруживаются при сравнении более ранних и современных толковых словарей. Например, в Словаре Ожегова и Шведовой для слова *букет* дано еще одно, второе производное значение, отсутствующее в Словаре Ушакова: *Перен.* 'О каких-то однородных предметах, явлениях, собранных воедино', *Букет огней / цитат.* *У этого ученика целый букет двоек*. Примеры окказиональных значений этого слова дает воровской жаргон, в котором оно называет а) 'Судимость по нескольким статьям' и б) 'Сбор отрицательно настроенных осужденных'.

1.4. Когнитивное значение и употребление слова. Как мы постараемся показать ниже, когнитивное значение является главным, ядерным компонентом комплексного значения слова. Его ведущая роль обусловлена тем, что все языковые значения (смыслы) и окказиональные употребления слова порождаются тем или иным образом из когнитивного значения.

Далее мы будем представлять когнитивное значение в виде пары концептов: а) синкретичного, или базового концепта (Лакофф 2004: 52—85; Кошелев 2011: 707 и сл.) — он формируется у ребенка на ранней стадии усвоения родного языка и задает нечеткую пока (радиальную) категорию референтов слова и б) системного концепта, который является продуктом развития синкретичного концепта и представляет собой систему трех компонентов: Образа, типичных Действий и Цели/Функции, благодаря чему задает уже строгую категорию тех же референтов. Ниже мы поясним это общее определение на конкретных примерах (3)—(3б) и (4)—(4б).

В соответствии с введенной дифференциацией значений мы будем различать когнитивные употребления слов, корректность которых устанавливается когнитивными процедурами распознавания референта. Когнитивное употребление слова мы будем называть основным, если идентифицируется целостный объект-референт (является ли стулом предмет названный словом *стул*) и производным, если идентифицируется лишь отдельное свойство объекта-референта (является ли мехом норки шуба, которую назвали словом *норка* в производном значении ‘мех норки’, называющем отдельное свойство норки). Употребление слова мы называем языковым (*Дедушкин стул куда-то подевался* или *Вчера мы в лесу видели норку*), если они понятны адресату без восприятия и идентификации референта. Когнитивное употребление слов естественно называть идентифицирующей референцией, поскольку в этом случае и говорящий, и адресат эмпирически знакомы с референтом (Арутюнова 1999: 21—24; Стросон 1982), ср. также расселовское «знание по знакомству» (Рассел 2007: 57).

2. Языковые значения (смыслы) и когнитивные значения (концепты)

В современной научной лексикографии основным является списочный метод представления лексической полисемии, нацеленный прежде всего на описание сложившегося полисеманта, т. е. на формирование фиксированного списка толкований узуальных значений многозначного слова. При этом рассмотренные выше вопросы образования новых узуальных значений и проблемы объяснения механизмов окказионального употребления слов оказываются неохваченными. Разумеется, далеко не все исследователи согласны со

списочным подходом [см., напр., обзор других подходов в (Зализняк 2006: 34—38), см. также (Жаботинская 2008; Падучева 2004: 148; Ривелис 2007: 53 и сл.; Лещева 1996⁴). Однако удовлетворительных решений здесь пока не найдено. Не кажется нам удачным подходом и теория лексических сетей (Notvig, Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988), относящаяся к этому же кругу идей.

Другая проблема семантического описания многозначного слова связана с последовательной реализацией важнейшей установки научной лексикографии: производные значения слова должны толковаться как семантически связанные с основным значением или друг с другом, «если понимать под связанностью наличие в их толкованиях общих компонентов» (Апресян 1974: 178). Эта установка нацелена на достижение эксплицитности в описании производных значений: общие компоненты служат своеобразными «семантическими мостиками», ведущими от основного значения к его семантическим дериватам. Однако на практике такой эксплицитности никак не удается получить, поскольку в большинстве случаев общих компонентов в толкованиях основного и производных значений слова не обнаруживается.

Можно, конечно, считать, что указанные проблемы — это периферия лексической семантики, не влияющая существенным образом на общую картину функционирования языка. Такой взгляд кажется нам ошибочным. Однако, не меньшим заблуждением представляется нам стремление увязать в одном описании многозначного слова а) совокупность его узуальных значений и б) механизмы их образования и характеристику потенциала возможных окказиональных значений. Вторая составляющая никак не зависит от первой и потому требует отдельного описания.

Заметим попутно, что оба «недостатка» научной лексикографии в полной мере можно отнести и к толковым словарям. Они тоже не уделяют внимания механизмам порождения производных значений слова из его основного значения и не выделяют семантических мостиков, связывающих толкования этих значений. Это, однако, не мешает им эффективно выполнять свои функции.

Главная мысль, которую мы будем развивать далее, такова. Генеративные семантические механизмы, обеспечивающие образование новых узуальных и окказиональных значений слова, имеют дело не с языковыми значениями (смыслами), представленными в толковых словарях, а с когнитив-

---

⁴ В связи со сказанным хотел бы обратить внимание эту замечательную монографию, опубликованную в Минске в хаотические 90-е годы прошлого века и практически неизвестную в России. Разделяя многие положения данного исследования, мы не согласны с его общей установкой: «в работе мы придерживаемся лексоцентричной теории значения, согласно которой слово присутствует в сознании во всей своей системе значений, узуальных и потенциальных, готовых по первому поводу всплыть на поверхность» (Лещева 1996: 188).

ным значением слова — концептом, который аналогично узуальным значениям хранится в долговременной памяти носителя языка и поименован этим словом.

Проиллюстрируем данную мысль на примере. Рассмотрим многозначное слово *вилка*. Ее словарная статья в современном толковом словаре (БТС) имеет следующий вид.

(1) *Вилка*:

Основное значение.

1. ‘Один из предметов из столового прибора в виде ручки с длинными острыми зубьями, которым берут куски пищи’.

Производные значения.

2. ‘Название различных устройств, приспособлений с раздвоенным концом’. *Штепсельная вилка, Велосипедная вилка*;
3. ‘Положение в шахматной игре, когда одна фигура угрожает одновременно двум или нескольким фигурам’. *Конь делает вилку*;
4. *Разг.* ‘Ситуация выбора одного из двух решений’. *Оказаться в вилке*;
5. *Воен.* ‘Результат стрельбы, когда один снаряд попадает ближе, а другой дальше цели’. *Взять цель в вилку*;
6. *Разг.* ‘Расхождение, разница, несоответствие в чем-либо, границы такого расхождения’. *Вилка в зарплате*.

Даже беглое знакомство с толкованиями 1—6 показывает, что они вполне отвечают своему назначению и дают носителю языка ясное представление о значениях слова. Но зададимся теперь такими вопросами: как возникли производные значения 2—6 и каковы семантические мостики, связывающие их с толкованием 1 или друг с другом? Толкования 1 и 2 такой общий семантический компонент имеют: это «раздвоенный конец» объекта-референта. Но в толковании 3 подобного общего с 1 компонента уже нет. Правда, его можно «додумать», указав, что «угроза одновременно двум или нескольким фигурам» — это тоже «раздвоение». Но в толковании 4 речь уже идет не о раздвоении, а о выборе одного из двух вариантов. Что касается толкований 5 и 6, то они не содержат общих компонентов ни с толкованием 1, ни с последующими толкованиями.

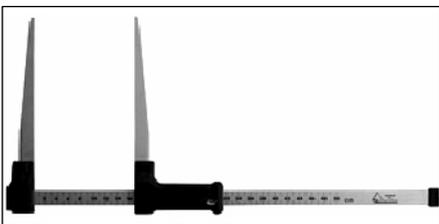
Обратимся к когнитивному значению данного слова, т. е. к ассоциативно связанному с ним концепту (подробнее о концептуальных значениях см. в (Кошелев 2011)). Несколько упрощая, концепт слова *вилка* можно определить как ментальный объект ВИЛКА, соединяющий в себе типичный визуальный образ двузубой вилки и стандартное действие, осуществляемое человеком, который использует вилку в ее типичной функции (как предмет столового прибора). Короче говоря, когнитивное значение слова *вилка* — это храня-

щийся в долговременной памяти человека объект ВИЛКА (= образ двузубой вилки & типичное действие с ней).

Заменим теперь мысленно толкование 1 основного значения в словарной статье (1) объектом ВИЛКА и покажем, что все **производные значения 2—6** прямо или косвенно **мотивированы свойствами** этого **объекта**. Точнее говоря, мы покажем следующее: каждое производное значение указывает на некоторое **свойство** своего референта — типологически другого объекта (не вилки), или действия, положения и пр., **сходное** с тем или иным **свойством** объекта ВИЛКА.

Для значения 2 (*ителсельная вилка*) это очевидно. Значение 3 (*Конь делает вилку*) мотивировано действием вилки, когда оба ее зубца одновременно втыкаются в кусок пищи. Разумеется, это действие не совсем аналогично действию коня, который одновременно нападает на две разные фигуры, но речь всегда идет именно о сходстве, а не о тождестве или аналогии. В значении 4 ‘Ситуация выбора одного из двух решений: *Оказаться в вилке*’ объект ВИЛКА уподобляется дороге с *развилкой*: ручка символизирует единый участок дороги, а переход к двум зубцам — раздвоение дороги и выбор дальнейшего пути, который нужно сделать.

Неясность остается лишь с близкими друг другу значениями 5 ‘...один снаряд попадает ближе, а другой дальше цели’. *Взять цель в вилку* и 6 ‘Расхождение... границы такого расхождения’. *Вилка в зарплате*. Однако несложные разыскания быстро дают ответ. В Словаре Брокгауза и Ефрона приводится статья: «ВИЛКА *МЕРНАЯ*... — инструмент для измерения толщины стволов деревьев, бревен и т. п.» и приводится рисунок (см. рис. слева) мерной вилки, которая и внешне, и принципом действия сходна с огромным штангенциркулем. Мерная вилка образует еще одно (забытое уже) производное значение слова *вилка*, мотивированное сходством образов. От него и были образованы в свое время значения 5 и 6, метафоризирующие функцию двух «зубцов», ограничивающих сверху и снизу измеряемый объект (на ручке мерной вилки нанесены деления). Таким образом, здесь мы имеем цепочечную метафору, произведенную не от концептуального значения (объекта ВИЛКА), а от порожденного от него производного значения.

Итак, первые три производные значения слова *вилка* мотивированы тремя разными свойствами объекта ВИЛКА, а последующие два — одним свойством производного значения ‘мерная вилка’. Это весьма распространенный случай, но иногда все производные значения слова мотивируются каким-то

одним свойством его когнитивного значения (концептуального ОБЪЕКТА). Так, все приведенные выше производные значения слова *букет* мотивированы одним абстрактным свойством: «набор разных, но однородных существей, образующих некоторое единство (ансамбль)».

3. Механизм порождения производных значений

3.1. Что значит *читать нотацию*? Рассмотрим образование метафорических значений более подробно. Не будет большой новостью утверждать, что слово, отнесенное к референту в производном (метафорическом) значении, характеризует его совершенно иначе, чем то же слово, отнесенное к референту в основном значении и характеризует его как объект своей категории. Однако, в чем именно заключаются специфика метафорической характеристики референта, мнения исследователей расходятся. В этом разделе мы выскажем свою точку зрения по данному вопросу.

Будучи употреблено в производном значении, слово, во-первых, относится к референту другой, не своей категории, во-вторых, называет лишь какое-то его отдельное свойство, сходное с некоторым свойством референтов своей категории, и в-третьих, сам этот референт говорящий задает адресату явно и помимо референции (остенсивно или контекстом своей фразы⁵).

Проиллюстрируем сказанное примером *Мать читает дочери нотацию*. Здесь референтное действие «читать нотацию», во-первых, не относится к категории референтных действий глагола *читать*. Это мы понимаем сразу же по контекстному слову *нотация*, которое задает действие-референт явно: мать не читает дочери какой-то текст, а в устной форме порицает дочь за какой-то ее проступок. Кроме того, мы также сразу понимаем, что это **действие имеет свойство, сходное с реальным чтением**: мать корит дочь **в тех же выражениях и с той же интонацией**, что и ранее в подобных ситуациях, т. е. говорит «как по писаному», как будто **читает текст по памяти**. Наконец, легко понять, что именно это **сходное с процессом чтения свойство и задается глаголом *читать***. В самом деле, представим себе очень похожее действие: мать в очередной раз высказывает дочери жалобу на ее сына. Это действие уже нельзя описать фразой **Мать читает дочери жалобу на внука*, поскольку в нем нет прежнего сходства с типичным чтением: в разных ситуациях речевые формы жалобы могут сильно различаться (см. также раздел 4).

---

⁵ Мысль о том, что референт производного употребления слова определяется контекстом или благодаря энциклопедической информации, высказывалась ранее неоднократно, см., напр., (Лещева 1996: 190 и сл.), где анализируются проблемы дешифровки полисемии.

Подчеркнем: в выражении *читает* нотацию глагол *читает* употреблен в **производном** когнитивном значении, поскольку а) говорящий и адресат эмпирически знакомы с референтным действием и б) наличие в нем **свойства** ‘точное воспроизведение текста’ идентифицируется их процедурами распознавания. Они то (эти процедуры) и бракуют выражение *читает жалобу.

3.2. Производные и окказиональные значения слова *обезьяна*. Рассмотрим пример традиционного описания производных значений. Приведем словарную статью слова *обезьяна*, взятую из Словаря Ушакова. В нее мы включили еще одно (четвертое) производное значение, приведенное в (БТС).

(2) *Обезьяна*:

Основное значение.

1. ‘Четверорукое млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела’.

Производные значения.

2. *Перен.* ‘Человек, склонный гримасничать, кривляться, или передразнивать других’;

3. ‘Очень некрасивый человек’ (разг. фам.);

4. Употр. как бранное слово (разг. фам.). — *Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?* (А. Островский);

5. *Спец.* ‘Мех нутрии, выделанный под обезьяний’.

Согласно нашему интуитивному ощущению, все производные значения в (2) семантически как-то связаны с основным значением. Однако в их толкованиях эта связь не просматривается. Ни в одном из них нет общих компонентов с толкованием 1. Причина такого положения в том, что ни толкование 1, ни толкуемое им языковое значение, не способно заменить собою **когнитивное значение** слова *обезьяна*, которое содержит **все** типичные свойства своих объектов-референтов. А именно эти свойства и лежат в основе порождения производных значений.

Обратимся непосредственно к когнитивному значению слова *обезьяна*, т. е. к концептуальному объекту ОБЕЗЬЯНА. Мы его будем представлять в виде пары концептов: а) синкретичного, или базового концепта, отражающего типизированное представление ребенка об обезьяне, и б) развившегося из него системного концепта, отражающего представление об обезьяне, сложившееся у взрослого носителя русского языка (отношение развития, связывающее эти концепты, мы обозначаем значком $\rightarrow$, см. (Кошелев 2008), где оно вводится впервые).

(3) объект ОБЕЗЬЯНА (когнитивное значение слова *обезьяна*) = синкретичный объект ОБЕЗЬЯНА $\rightarrow$ системный объект ОБЕЗЬЯНА.

(3а) Синкретичный объект ОБЕЗЬЯНА = ‘Животное, похожее на человека ($\approx$ Образ), способное передвигаться на одних задних лапах и использовать передние лапы (руки), чтобы лазать по деревьям и брать предметы ($\approx$ Действия)’.

Этот объект формируется у ребенка в первые годы его жизни и представляет собой не что иное, как базовый концепт ОБЕЗЬЯНА. Затем, вследствие когнитивного и языкового развития ребенка, к нему присоединяется системный объект ОБЕЗЬЯНА (3б).

(3б) Системный объект ОБЕЗЬЯНА (только этноспецифические свойства): а) объем категории — особи разных видов (большого и малого размера, с хвостами и без хвостов, с длинной и короткой шерстью и т. д.), б) оценочные трактовки внешнего вида и поведения типичной обезьяны, присущие русскоязычной народной традиции: «бездумно подражает действиям человека», «уродлива», «непредсказуема, хаотична в своем поведении», «ловкая».

В итоге образуется полноценное когнитивное значение — объект ОБЕЗЬЯНА (3).

Покажем теперь следующее. Если мысленно подставить в словарную статью (2) вместо толкования 1 когнитивное значение (3) — объект ОБЕЗЬЯНА, то семантические мостики между ним и производными значениями сразу же обозначатся явно, причем это будут отдельные свойства объекта ОБЕЗЬЯНА. Более того, всякое новое окказиональное употребление слова *обезьяна* будет мотивироваться каким-то свойством объекта ОБЕЗЬЯНА, сходным с некоторым свойством нового референта.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим различные употребления фразы *Смотри, какая обезьяна*. Предположим, что одна дама посредством этой фразы сообщает что-то своей спутнице. Если обе они находятся в зоопарке вблизи вольера с обезьянами, то спутница дамы понимает, что слово *обезьяна* использовано в основном (когнитивном) значении и свои дальнейшие усилия направляет на поиск конкретного экземпляра обезьяны — референта услышанной фразы⁶. Но предположим, дамы находятся в огромном супермаркете, в котором заведомо нет живых обезьян. В этом случае собеседница дамы сразу же понимает, что слово *обезьяна* употреблено в производном (когнитивном) значении. Однако, если она не знает, кого конкретно ее подруга имеет в виду, она совершенно не способна уловить смысл услышанной фразы.

⁶ По умолчанию, в отсутствии опровергающих референтных данных, слушающий понимает слово в основном значении, см. об этом в (Пауль 1960: 100; Блумфилд 2002: 153; Кошелев 2011: 716).

Она может руководствоваться лишь следующей общеязыковой информацией: а) **референт не является обезьяной**, т. е. объектом основной категории (справедливо для производных значений всех типов) и б) слово *обезьяна* называет какое-то его **специфическое свойство, сходное с типичным свойством обезьян** (= с каким-то свойством объекта ОБЕЗЬЯНА). Очевидно, что этих данных совершенно недостаточно для понимания производного употребления слова *обезьяна* в данной фразе, или хотя бы для понимания, о каком объекте-референте идет речь.

Но, допустим, в следующий момент дама задает этот объект-референт остенсивно, показывая на него жестом или взглядом. В упомянутой ситуации выбор возможных референтов оказывается весьма разнообразным. Это может быть а) клоун, который стоит в центре торгового зала и на потеху покупателям карикатурно изображает проходящих мимо него людей (значение 2 в словарной статье (2)), б) очень некрасивый мужчина (значение 3), в) скандальная покупательница, с истерическими криками и вульгарной жестикуляцией набросившаяся на юную продавщицу (значение 4), г) женщина, одетая в шубу из меха, выделанного под обезьяний (значение 5), д) сутулый и длиннорукий мужчина, внешне схожий с обезьяной, е) юноша, который в отделе спортивных товаров проделывает на турнике различные трюки: то висит на перекладине на одной руке, то, цепляясь за нее ногами, свешивается вниз головой, и т. п., ж) мужчина, который, желая примерить выбранную рубашку, обнажил свою аномально волосатую спину, з) длинношерстная собака одной из покупательниц, и) нанятый актер, который, забавляя детей покупателей, изображает повадки обезьян, к) чучело обезьяны, встречающее покупателей отдела игрушек, л) огромная игрушечная обезьяна и т. д.

Как мы видим, все эти объекты-референты (люди, мех, собака, игрушка, чучело), не только не обезьяны, но и более того, типологически различны, причем все они заданы говорящим напрямую — жестом или взглядом. Кроме того, непосредственным референтом слова *обезьяна* каждый раз становится специфическое **свойство** указанного объекта, **схожее с некоторым свойством объекта ОБЕЗЬЯНА**. В-третьих, эти **свойства-референты различны**, иначе говоря, **разные объекты сцепляются с объектом ОБЕЗЬЯНА разными сторонами**. Например, в случае е) слово *обезьяна* называет акробатические трюки юноши, схожие с прыжками обезьян по деревьям, в случае ж) оно называет волосатость человека, схожую с густой обезьяньей шерстью и т. д.

3.3. Механизм порождения метафорических употреблений слова *обезьяна*. Можно предположить, что образование производных референций слова *обезьяна* осуществляется следующим образом. Говорящий видит объект (не обезьяну), имеющий какое-то свойство, сходное с некоторым типичным

свойством обезьян (со свойством объекта ОБЕЗЬЯНА (3), хранящимся в его памяти), и он хочет назвать это свойство слушающему. Тогда он явно указывает ему на этот объект и одновременно называет его словом *обезьяна*, **относя** его фактически только **к выделенному симилятивному свойству**. Слушающий, видя, что данное употребление отнесено не к обезьяне, а к другому объекту, понимает, что оно называет какое-то отдельное свойство этого объекта, сходное с типичным свойством обезьяны. Поэтому он извлекает из своей памяти объект ОБЕЗЬЯНА и сопоставляет его с данным объектом, чтобы выявить у них общее свойство, точнее, два сходных свойства. Найдя такую пару свойств, слушающий заключает, что именно это «вычисленное» им симилятивное свойство объекта-референта говорящий назвал словом *обезьяна*.

Поясним некоторые детали этого механизма на примере окказионального употребления слова *обезьяна* в ситуации е), в которой дама видит юношу, выполняющего на турнике рискованные трюки. Она захотела назвать это нетипичное свойство (действие) юноши своей подруге. Но просто указать на висящего вниз головой юношу будет недостаточно, поскольку свойство объекта нельзя задать остенсивно. Подруга, посмотрев на указанного ею юношу, может подумать: а) ненормальный, б) хвастливый, в) ловкий, г) бесшабашный и т. д. Поэтому дама поступает иначе: она «вычисляет», т. е. ищет в своей памяти среди когнитивных значений слов такой концептуальный объект, для которого подобное свойство (действие) является типичным. Это — объект ОБЕЗЬЯНА, который **аккумулирует ВСЕ типичные свойства (включая и действия) обезьян**. Теперь дама называет юношу словом *обезьяна*, указывая тем самым, что называемое ею свойство юноши сходно с некоторым свойством объекта-значения ОБЕЗЬЯНА.

Для ее подруги это своеобразная шарада, — загадка, которую нужно разгадать. Для этого она проводит свои «вычисления»: извлекает из памяти по слову *обезьяна* его когнитивное значение — объект ОБЕЗЬЯНА (3) и сопоставляет его свойства и свойства юноши (который висит на турнике то на одной руке, то вниз головой), стремясь выявить их сходство по какому-либо свойству. Вопреки интуитивной очевидности решения, это не такая простая задача. Нужно проверить а) сходство их Образов (может быть лицо юноши, искаженное физическим напряжением, стало похоже на типичную гримасу обезьяны и пр.), б) сходство их действий (у людей и обезьян, вообще говоря, очень много сходных действий), в) сходство их целей (так, называя пародиста обезьяной, мы подчеркиваем сходство его и обезьяны целей: скопировать какие-то действия окружающих). В результате такого анализа подруга «догадывается», что речь идет о сходстве наблюдаемого **действия юноши** и типичного **действия обезьяны**, прыгающей посредством рук с одного сука дерева на другой.

Коммуникация успешно завершилась: специфическое свойство юноши, не имеющее своего имени, названное словом *обезьяна*, было идентифицировано. Подчеркнем: произошло это только потому, что во всех рассмотренных случаях слово *обезьяна* употреблялось в **производном когнитивном** значении, при котором и говорящий, и его адресат эмпирически знали референт и проверяли своими процедурами распознавания **наличие у него симилятивного свойства**.

3.4. Проблема «списочного» описания производных значений слова.

Обратим внимание на центральную гипотезу, касающуюся работы рассмотренного продукционного механизма: типичные свойства обезьян, используемые говорящим (слушающим) при порождении (осмыслении) употреблений фразы *Смотри, какая обезьяна*, не хранятся в их памяти в виде отдельного списка, а вычленяются непосредственно из объекта ОБЕЗЬЯНА в момент референции.

Предположим, однако, что типичные свойства обезьян, хранятся в памяти носителя языка отдельным списком и независимо от когнитивного значения — объекта ОБЕЗЬЯНА (3). В принципе этого нельзя исключать. Однако серьезно обсуждать данную гипотезу имело бы смысл лишь при условии, что **все** метафорически продуктивные свойства обезьян, можно исчислить, задать закрытым списком. Но рассмотренный в п. 3.2. пример наглядно показывает, что априори такой список сформировать невозможно. В новой референтной ситуации всегда может возникнуть новое, более редкое симилятивное свойство, не встречавшееся ранее. Так, предложенный выше список примеров а)—л) можно продолжить: говорящий может назвать *обезьяной* мальчика, быстро взбирающегося на мачту парусника; человека в толпе, голова которого по форме схожа с головой обезьяны; человека, живущего в лесу на деревьях, и т. д. А в Словаре Даля в словарной статье слова *обезьяна* отмечается, к примеру, такое свойство: «обезьяниться — любезничать, волочиться, миловаться». Подчеркнем: если одни свойства объекта ОБЕЗЬЯНА, например «облик обезьяны», очевидным образом являются метафорически продуктивными, то другие, к примеру, густая шерсть обезьяны, совершенно не выделяются в указанном смысле, и потому их метафорическая продуктивность априори непредсказуема.

Мы считаем, что и первые три употребления данной фразы (примеры а)—в) в п. 3.2) порождались говорящим и осмыслились слушающим не на основе узуальных значений 2—4 из Словаря Ушакова, см. словарную статью (2), а в соответствии с общим механизмом — аналогично ее последующим употреблениям. А эти значения используются в **языковых** употреблениях слова *обезьяна*, когда ни говорящий, ни адресат не видят референта.

4. Узуальные и окказиональные значения глагола *читать*

4.1. Толкование глагола *читать*. Рассмотрим в том же ключе несколько сокращенный вариант словарной статьи глагола *читать*, приведенной в (МАС).

(4) *Читать*:

Основное значение.

1. 'Воспринимать глазами что-либо написанное или напечатанное буквами или другими письменными знаками, произнося вслух или воспроизводя про себя'. *Читать газету. Читать вслух.*

Производные значения.

2. 'Знать, понимать какие-либо обозначения, знаки'. *Читать чертежи, ноты, географические карты;*
3. *Перен.* 'По каким-либо внешним признакам распознавать, угадывать что-либо (чьи-либо внутренние переживания, мысли и т. п.)'. *Благоговая, все читали приметы гнева и печали на сумрачном его лице* (Пушкин);
4. 'Произносить (какой-либо текст) наизусть'. *Читать молитву, стихи;*
5. 'Говорить с кем-либо строгим тоном, выговаривая, порицая за что-либо'. *Читать наставления (нотации, нравоучения и т. п.).*

Как можно заметить, в толковании 2 содержится компонент, общий с толкованием 1. Однако в остальных случаях общие компоненты между толкованиями основного значения и его семантических дериватов отсутствуют.

4.2. Системное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ. Повторим использованный выше прием. Подставим мысленно вместо толкования 1 непосредственно когнитивное значение глагола *читать*. В данном случае это — системное концептуальное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ, представляющее в памяти носителя языка типичное действие реального чтения. Опишем его кратко. Элементами данного действия являются: а) визуально воспринимаемый носитель текста (наряду с бумагой, это может быть фотопластинка, типографская матрица, экран и т. д.), б) читающий человек, который может воспринимать текст как непосредственно, так через посредство какого-либо инструмента: очков, лупы, микроскопа и телескопа и пр. и в) цель читающего: понять содержание воспринимаемого текста. Само это действие можно описать так:

- (4б) Системное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ = 'Человек смотрит на носитель текста и последовательно, одну за другой, воспринимает глазами порции текста, молча или проговаривая их вслух, с целью извлекать из воспринятых порций текста и сохранять в памяти их содержание'.

Действие (4б) хранится в долговременной памяти носителя языка и задает категорию конкретных действий «Человек читает» (генетически более раннее синкретичное действие (4а) определяется ниже).

Покажем теперь, что порождение производных употреблений слова *читать* по существу ничем не отличается от образования аналогичных употреблений существительного *обезьяна*. И здесь говорящий: а) видит какое-то действие, не относящееся к категории «Человек читает»), и б) замечает, что это действие имеет некоторое специфическое свойство, сходное с одним из свойств действия (4б) ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ (= когнитивного значения глагола *читает*). Обнаруженное сходство и служит говорящему основанием, чтобы **назвать это специфическое свойство** воспринимаемого действия **глаголом *читать***. Кроме того, говорящий явно (остенсивно или контекстом своей фразы) задает адресату действие-референт, т. е. осуществляя тем самым производную когнитивную референцию.

Посмотрим, по каким свойствам действия, описываемые производными значениями 2—5, сходны с действием (4б). Симилятивное свойство, порождающее значение 2 (*Читать чертежи...*), очевидно. Сходство, порождающее значение 3 (*Читать... приметы гнева и печали... на лице*) также понятно.

Рассмотрим теперь значение 4 (*Читать молитву, стихи*). Его общность с действием ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ состоит в следующем. Повторяя по памяти вслух стихи или молитву, говорящий **воспроизводит** уже существующий текст, в точности так же, как он это делает и при чтении текста вслух. Аналогично и для значения 5 (*чтение нотации*), подробнее о нем см. в п. 3.1.

Последнее симилятивное свойство (точное воспроизведение вслух известного текста) весьма показательна. Его метафорическая продуктивность априори непредсказуема. Оно вычленяется говорящим только для осуществления текущей метафорической номинации — чтобы назвать глаголом *читает* совершенно другое действие: воспроизведение вслух по памяти молитвы или нотации. Стало быть, и здесь нельзя априори задать полный список типичных свойств действия ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ.

Рассмотрим в подтверждение сказанного еще один пример: *читать с листа* — ‘играть по нотам сразу, без подготовки’. Нередко музыкант, играя даже хорошо известное ему произведение, смотрит в его нотную запись. Это действие отличается от чтения, поскольку не требует последовательного восприятия нотных знаков. Музыкант играет по памяти и лишь сверяется с нотами. Но в данном случае ситуация иная и вполне аналогичная чтению: по контексту *с листа* мы понимаем, что для исполнения пьесы музыкант должен последовательно прочитывать все ноты. Тем самым обозначилось еще одно типичное свойство действия (4б), общее с референтным действием: полнота последовательного восприятия знаков. Оно и обусловило данную метафорическую номинацию.

Аналогично объясняется и употребление *читать между строк*. Здесь референтное действие — «человек воспринимает глазами фрагменты текста, анализирует их и извлекает из них имплицитную информацию», не является обычным чтением, т. е. не отвечает когнитивному значению ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ (4б), но имеет сходное с ним свойство: «извлекает из текста имплицитную информацию», поскольку при чтении человек **извлекает информацию из прочитанного текста**. Тогда фразой *Он читает между строк* говорящий называет это свойство («извлекает из текста имплицитную информацию») референтного действия, а само действие задает контекстом *между строк*.

Рассмотренный механизм легко просматривается и во множестве других случаев. Приводимые ниже фразы, содержащие окказиональное употребление глагола *читает*, построены по той же схеме: *Автомат читает рукописный текст*; *Слепой читает учебник, быстро проводя пальцами по перфорированным строкам*; *Цыганка читает мою судьбу по ладони*; *Девушка читает по губам*; *Экстрасенс читает мои мысли*; *Садовник читает желания своих растений*.

Если слушающий не является свидетелем референтной ситуации, то референтное действие для него задает контекст фразы, подсказывая, о каком именно другом действии (не чтении) идет речь. Иногда, однако, контекстного окружения бывает недостаточно и тогда фраза становится сомнительной или непонятной (процедура идентификации не дает результата). Первый случай иллюстрирует фраза *Садовник читает желания своих растений*. Но представим себе ситуацию: садовник в деталях и с любовью к своим новым посадкам рассказывает гостям, как он по малозаметным чертам их облика точно определяет, чего им не хватает для полноценного роста: питательных веществ, солнечного света и пр. Теперь референция становится идентифицирующей и эта фраза, сказанная одним из гостей, не выглядит сомнительной. Не очень понятная фраза *Он читает дорогу* иллюстрирует второй случай. Однако и здесь более широкий контекст или непосредственное участие слушающего в референтной ситуации меняют дело. Скажем, видя, как шофер такси хорошо ориентируется в сложных дорожных условиях, предугадывая возможные опасности, мы вполне можем сказать: *Смотри, как он читает дорогу*.

4.3. Синкретичное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ. Коснемся кратко синкретичного действия, из которого развилось системное действие (4б). Оно начинает формироваться у ребенка на втором году его жизни и соединяет в себе обобщенный визуальный образ книжки и типичное действие человека с ним. В первом приближении его можно описать так:

(4а) Синкретичное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ = ‘Человек держит перед глазами раскрытую книжку и, глядя в нее, говорит («рассказыва-

ет») что-то или молчит, затем переворачивает лист и снова глядит в книжку, молча или продолжая говорить⁷.

По-видимому, подобное действие и служит двухлетнему ребенку основанием для порождения пока еще «замороженных» фраз типа *Мама ниська цитать* (о маме, читающей книжку) (Цейтлин 2000: 100)⁷.

Системное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ (4б), развившись из (4а), присоединяется к нему (отношением развития →), образуя вместе с ним дуальное действие ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ. Оно и становится когнитивным значением глагола *читать* у взрослого человека. Метафорическую роль, синкретического действия (4а), хранящегося в памяти и ребенка, и взрослого, можно проиллюстрировать такими примерами. Представим себе дрессированную собачку, которая сидит на арене цирка перед раскрытой книжкой, и, глядя на нее, лает. Клоун говорит: *Мой Шарик читает книжку*. Все (и взрослые, и дети) смеются, хорошо понимая метафору. Аналогичную фразу *Мой кот Василий читает журнал* клоун может сказать о дрессированном коте, который, сидя перед журналом, листает лапой его страницы.

5. Схема порождения производных значений слова *ветка*

5.1. Толкование существительного *ветка*. На примере слова *букет* мы уже видели, что одно абстрактное свойство может порождать целый ряд различных метафорических употреблений (см. конец п. 1.4). Рассмотрим еще один такой пример. Приведем фрагмент толкования слова *ветка* из Словаря Ожегова:

(5) *Ветка*:

Основное значение.

1. Небольшой боковой отросток, побег дерева, кустарника... *Ветка сирени*.

Производное значение.

2. Отдельная линия в системе железных дорог, отклоняющаяся в сторону от основного пути. *Железнодорожная ветка*.

Зададимся вопросом: какое свойство концептуального объекта ВЕТКА — когнитивного значения слова *ветка* — породило значение 2? При ответе на него полезно иметь в виду и другой вопрос: почему словом *ветка* в значении 2

⁷ Первые концептуальные представления о книжке и слове *книжка* у некоторых детей появляются до года. Так, в пассивном лексиконе Лизы Елисейевой слово *книжка* появилось уже в 9 месяцев: «Только что закончила игру с книжкой “Я знаю цвета” и поползла к моей ноге (она — на траве на одеяле, я сижу рядом на стуле). Я спросила: “Где книжечка?” Лиза повернулась назад и взяла книжку. Я попросила дать ее мне, но пришлось взять самой: эту просьбу еще не понимает» (Елисейева 2008: 62).

нельзя назвать боковую шоссеиную дорогу, отходящую (подобно ж.-д. ветке) от главной автострады? Ведь эти объекты номинации, казалось бы, совершенно идентичны. Ответ на оба вопроса заключается, на наш взгляд, в следующем. Носитель русского языка трактует данные объекты как существенно разные, поскольку для него **основной железнодорожный путь естественно уподобить реальному дереву**, а отходящую от этого пути ж.-д. линию — ветке этого дерева, тогда как **автостраду и отходящее от нее шоссе — нет**.

5.2. Схема порождения производных значений. Рассмотрим подробнее производное значение 2. Слово *ветка*, называя в метафорическом значении линию ж.-д., отходящую от основного пути, указывает тем самым на некоторое сходство этой линии ж.-д. с веткой дерева, а значит, как можно предположить, и на сходство основного пути с целым деревом. Такое сходство нетрудно обнаружить: это структурный и функциональный изоморфизм дерева и основной линии ж.-д. со всеми ее боковыми линиями. Исходный пункт отправления (главный вокзал) основной линии ж.-д. можно соотнести с корнем дерева, основной путь — со стволом, а отходящие от него линии ж.-д. — с ветками дерева. Существенно усиливает это соответствие то обстоятельство, что подобно соку дерева, идущему из корня по стволу и веткам только в одну сторону — вверх, поезда с главного вокзала уходят по основному пути и по отходящим от него линиям только в одну сторону (возвращаются они на вокзал по другому пути и другим линиям⁸) и подобно веткам имеют конечные пункты назначения.

Если же шоссе, отходящее в сторону от магистральной автострады, не называется *веткой*, то причину, как можно предположить, следует искать в том, что магистральную автостраду нельзя или гораздо труднее уподобить дереву в рассмотренном выше отношении. И в этом также нетрудно убедиться. Во-первых, магистраль не имеет явно выделенного начала (места старта для всех автомобилей), которое можно было бы соотнести с корнем дерева; во-вторых, машины по ней движутся в обоих направлениях; в-третьих, шоссе, отходящее от главной магистрали, может не иметь конечного пункта назначения, например, проходить через небольшой городок и вновь вливаться в магистральное шоссе. Поэтому магистраль гораздо меньше схожа с деревом, а отходящие от нее шоссе — с ветками.

Нетрудно убедиться, что указанный изоморфизм служит основанием для других метафорических употреблений слова *ветка*.

---

⁸ В некоторых случаях обратная ж.-д. линия идет рядом с прямой линией. Но она, в отличие от прямой линии, не называется веткой. Например, говоря о подмосковных ж.-д. линиях *Фрязинская / Пушкинская ветка*, мы называем этими фразами только линию, идущую из Москвы.

- 1) *Ветка* нефтепровода/газопровода (здесь также движение нефти/газа идет из некоторой начальной накопительной точки в одном направлении по центральной трубе, от которой отходят боковые линии меньшего диаметра). *Вторую ветку нефтепровода «Тихорецк—Туапсе» прокладывают по древним захоронениям;*
- 2) *Ветка* оросительного канала (здесь имеет место тот же изоморфизм). *Вода поступает из левой ветки Правоегорлыкского канала. Основным источником орошения... служит Красногвардейская ветка Северо-Крымского канала.*

Подчеркнем: вытекающий из реки рукав нельзя назвать *веткой*, возможно, потому, что, в отличие от оросительного канала, река не имеет указанного сходства с деревом. Во-первых, она не имеет главного хранилища воды, из которого вода растекалась бы по разным направлениям. Поэтому ее исток не сопоставим с корнем дерева. Кроме того, в нее извне вливаются притоки (движение в противоположном направлении) и т. д.

Сформулируем общее симилиативное свойство, лежащее в основе рассмотренных метафорических значений.

- (I) Физический объект (железная дорога, трубопровод) мы будем называть централизованной и однонаправленной транспортной системой, если он изоморфен реальному дереву в следующем смысле: имеет центральную базу («корень дерева»), из которой по главному транспортному каналу («стволу дерева») и отходящим от него боковым каналам («веткам дерева») перемещаются грузы в одном направлении — к промежуточным и конечным пунктам назначения.
- (II) Словом *ветка* в данном метафорическом значении может быть назван боковой канал такой централизованной однонаправленной транспортной системы (со всеми его более частными каналами).

Приведем еще два примера, отвечающих этому определению.

- 3) *Ветка* линии электропередач (ЛЭП). *Осенью на севере столицы будет осуществлен демонтаж ветки ЛЭП, проходящей вдоль Коптевского бульвара.*
- 4) *Ветка* кровеносной вены (здесь тот же изоморфизм, подтверждающийся тем, что вену называют *стволом*). *Описание аневризмы левой ветки портальной вены... несколько случаев аневризмы ствола портальной вены*⁹.

⁹ В настоящее время нередко можно встретить употребления сочетаний *ветка Митино — Щелковская*, в которых естественно было бы употребить только слово *линия*. Как можно их объяснить? На наш взгляд, это — языковые употребления сло-

Остается теперь ответить на третий вопрос: почему указанное боковое шоссе вполне корректно назвать *ветвью автострады*?

Не имея возможности дать здесь полный анализ метафорических значений слова *ветвь*, приведем лишь его фрагмент, показывающий, что они порождаются существенно иным симилиативным свойством, гораздо более абстрактным, чем (I). Сравним кровеносную вену и ее ветки с трахеей и ее бронхами, имеющими точно такую же структуру («трахея — это дыхательная трубка, которая начинается от гортани и разделяется на два главных бронха на уровне V грудного позвонка; бронхи — это трубчатые воздухоносные ветви трахеи. ...бронхи, разветвляясь до бронхиол, составляют единое бронхиальное дерево, проводящее воздух при вдохе и выдохе» БЭС).

Как мы видим, бронхиальная структура настолько схожа с венозной, что ее называют деревом. Однако здесь имеется два различия. Во-первых, воздух по этому дереву движется не в одном направлении (как кровь), а в двух: сначала внутрь, доставляя в легкие кислород, а затем наружу, вынося из них углекислый газ. Поэтому здесь нет изоморфизма в смысле (I): транспортная система не является однонаправленной. Во-вторых, бронхи — две **разветвляющиеся равноправные** ветви, а в кровеносной системе — **ответвляющиеся** от главной (портальной) вены, **боковые** и более мелкие вены, ср.: *левая ветка портальной вены*. Этих различий, по-видимому, уже достаточно, чтобы бронхи называли *ветвями* (а не *ветками*) *трахеи*, ср.: *У млекопитающих от каждого главного бронха отходят вторичные бронхи, которые делятся на всё более мелкие ветви...* Вполне аналогично выражение *ветви дерева зависимостей*, описывающее аналогичную бронхам иерархическую структуру, в которой **ветви**, выходящие из узла, **равноправны**, ср.: *В итоге вам потребуется вручную отследить все ветви, возможно, немаленького дерева зависимостей*. Сходную древовидную структуру имеют отроги горного хребта. Но они, как и ветви дерева зависимостей, вообще не образуют транспортной системы (по ним вообще нет никакого движения), а значит, нет и изоморфизма (I). Потому их тоже нельзя назвать ветками. К примеру, словосочетание **ветка хребта* некорректно, а его аналог — *ветвь хребта* вполне допустимо.

Три из четырех только что рассмотренных метафорических значения слова *ветвь* приведены в словарной статье (Словаря Ожегова), ср.:

ва *ветка*, не поддержанные реальным (эмпирическим) знанием референта — схемы линий московского метро. Как только мы представляем эту схему явно, такие употребления слова *ветка* превращаются в когнитивные, т. е. проверяются процедурой распознавания референта, и потому сразу становятся некорректными (благодарю А. Я. Шайкевича, обратившего мое внимание на такие употребления).

Ветвь:

Основное значение.

1. То же, что ветка (в 1 знач.).

Производное значение.

2. Ответвление от чего-н. основного, главного, отходящая в сторону часть чего-н. **Ветвь** горного хребта. **Ветвь** дороги. **Ветви** трахеи.

Приведенную аналогию можно продолжить. Оленьи рога мы представляем равноправными и сплошь костяными и никакого движения, подобного движению сока в дереве, мы в них не мыслим. Они также называются *ветвями*, ср. примеры: *У старых оленей рога становятся тоньше и слабее, а число ветвей уменьшается; Из-за сходства оленьих рогов с ветвями образ оленя связан с Древом Жизни; В отложениях палеолитической эпохи (во Франции) находили ветви оленьих рогов, отделанные в виде кинжала.*

Подведем краткий итог нашему анализу. Мы показали, что производные значения слова *ветка* ('ж.-д. ветка', 'ветка ЛЭП' и под.) не хранятся по отдельности в памяти носителя русского языка, а порождаются по общей схеме одним мотивирующим свойством (I)—(II). Но, может быть, в таком случае в памяти и хранится это общее свойство — «централизованная и однонаправленная транспортная система», на основе которого порождаются производные значения слова *ветка*? И да, и нет. Дело в том, что ветка — это не самостоятельный объект, а часть самостоятельного объекта дерево. А слово дерево имеет в русскоязычном сознании две трактовки: конкретную — реально растущее **дерево**, и ее часть — **ветка**, и абстрактную — **древо / дерево**, части которого — **ветви** (*ветви родового древа / дерева; древо / дерево жизни и его ветви*, ср.: нельзя *ветки). Поэтому, если целый объект-референт метафоризируется на основе сходства с конкретным деревом — по свойству (I), то и его часть, соотносимая с веткой дерева, метафоризируется по свойству (II) и называется *веткой*. Если же целый объект метафоризируется на основе сходства с абстрактным древом, то его часть называется (по соответствующему свойству) *ветвью*.

Для сравнения заметим, что в английском языке слово *tree* такого разделения (дерево — древо) не имеет, поэтому словом *branch* можно назвать и железнодорожную *ветку*, и *ветвь* автомагистрали, см. его значение б в (Longman: 190).

6. Когнитивные vs языковые употребления слов

Для того, чтобы правильно понять воспринятую фразу, слушающий должен определить, в каких значениях использованы входящие в нее слова. А для

этого ему необходимо эмпирическое знание референтной ситуации. В этом случае он воспринимает слова в их когнитивных употреблениях (основных или производных). Если же таким знанием слушающий не обладает, то априори все слова фразы воспринимаются им в их основных языковых значениях (языковые употребления слов). Рассмотрим кратко, что представляют собой языковые значения знаменательной лексики.

В результате многократных когнитивных употреблений слова, его идентифицированные референты накапливаются в памяти носителя языка (в области ментального лексикона), распределяясь по группам в соответствии с породившими их свойствами: 1) основные референты; 2) производные референты, порожденные свойством а); 3) производные референты, порожденные свойством б) и т. д. Интегральное понятие, аккумулирующее типичные свойства референтов каждой группы, становится самостоятельным языковым значением.

Например, для слова *обезьяна* группа основных референтов — это конкретные обезьяны, запомнившиеся носителю языка. Понятие, объединяющее типичные свойства этих референтов и энциклопедическую информацию о них, представляет собой **основное** лексическое значение. Это «бытовое» понятие, не содержащее существенных характеристик объектов-референтов (они входят в когнитивное значение). В него, кроме внешнего облика обезьяны, структуры частей ее тела, типичных целей и характерных действий, входят различные общеизвестные факты об обезьянах: обитают в жарких странах, живут в лесах небольшими группами, питаются овощами и фруктами и т. п. Содержание основного значения слова хорошо иллюстрируют эксплицитные толкования А. Вежбицкой. Например, толкование существительного *яблока* содержит такие рубрики: ВИД (растут на деревьях одного рода), КАК ЛЮДИ МОГУТ ПОЛУЧИТЬ ИХ, РАЗМЕР, ФОРМА, ЦВЕТ/ЗРЕЛОСТЬ, КАК ИХ ЕДЯТ (Вежбицкая 2011: 130—132)¹⁰. Опираясь на основные значения слов, носитель языка спонтанно строит гипотетическую референтную ситуацию воспринимаемой фразы¹¹.

¹⁰ Что касается словарного толкования предметного имени, то оно нацелено прежде всего на идентификацию Формы — визуального входа в основное языковое значение, **уже существующее** в ментальном лексиконе человека. В этом плане описание типичных действий и целей часто оказывается излишним. Поэтому обычно такое толкование с успехом может быть пояснено (или даже заменено) соответствующим рисунком, см., напр., статью CUP в (Longman: 411), дополненную изображениями различных чашек.

¹¹ В этом и состоит первичное назначение языка — передавать референтную ситуацию от говорящего к слушающему. Говорящий кодирует фразой наблюдаемую (или воображаемую) ситуацию, а адресат, декодируя воспринятую фразу, воссоздает

Вторая группа — производные референты, мотивированные свойством обезьяны «похожа на некрасивого человека» — это множество встретившихся носителю языка некрасивых людей, поименованных словом *обезьяна*. Третья группа — это, к примеру, различные изделия из меха, «похожего на шерсть обезьяны», также поименованные этим словом и т. д. Производные значения гораздо беднее и специальное основного значения. Каждое из них описывает узкое подмножество объектов другого класса (не обезьян), обладающих сходным с обезьянами свойством. Подчеркнем: непосредственным референтом производного употребления слова обезьяна в каждом случае является лишь симулятивное свойство (оно и является когнитивным производным значением), в то время как носитель этого свойства (человек, изделие из меха) задается независимо: знанием референтной ситуации или контекстом. Однако языковое производное значение описывает и референтное свойство, и его носителя, создавая впечатление, будто слово называет и то, и другое.

Проиллюстрируем языковые и когнитивные употребления слов. Вот слегка измененное начало научно-фантастического рассказа А. Азимова «Молодость» (перевод Н. Щербиновской):

— Тощий! — Его окликнули хриплым, встревоженным шепотом, и он дернулся к окну. На самом деле у него было совсем другое имя, но его новый друг, с которым он познакомился накануне, едва взглянул на худошавую фигурку, сказал: «Ты — Тощий». И добавил: «А я — Рыжий». На самом деле его тоже звали совсем иначе, но это имечко явно шло к нему. Тощий крикнул: — Эй, Рыжий! — и радостно замахал ему, стряхивая с себя остатки сна.

Не имея эмпирического знания референтной ситуации, мы трактуем воспринятые слова в их основных языковых значениях. Но вот конец рассказа:

Рыжий смотрел, как отлетает корабль. Красные щупальца — из-за них он получил свое прозвище — все еще колыхались, выражая сожаление об утраченной надежде, а глаза на ножках были полны желтоватыми кристаллами, которые соответствовали нашим земным слезам.

Теперь благодаря контексту, определившему референтную ситуацию, употребления слов становятся когнитивными, и мы моментально понимаем, что та реальность, которую мы строили, опираясь на их основные значения, неверна. Слова использовались в окказиональных метафорических употреблениях и описывали совершенно другую реальность.

З а м е ч а н и е. Лейтмотивом статьи является тезис о том, что когнитивное и языковое значения слова действуют совместно и одновременно, а не по отдельности

свою собственную вполне конкретную ситуацию, типологически идентичную исходной, подробнее об этом см. (Кошелев 2006: 541—545).

и поочередно, как это необходимо для обеспечения модульности языка (фундаментальное положение Н. Хомского), строгой дифференцированности его процедур от когнитивной сферы и соответствующих когнитивных процедур. Последние **постоянно** ищут возможность включиться в текущий речевой процесс, чтобы подтвердить или опровергнуть априорную гипотезу адресата о том, что воспринимаемые им слова употреблены в основных значениях. Такое включение и происходит при восприятии фразы *Красные щупальца...* Представлять, что когнитивное и языковое значения слова обрабатываются независимо и взаимодействуют через интерфейс — значит существенно исказить реальный речевой процесс.

Мы также не согласны с известной позицией Э. Бейтс. Отвергая гипотезу о том, что «наши языковые способности оторваны от остальной психики, отделены и „специализированы”, иными словами, образуют то, что Хомский называл „умственным органом”», Э. Бейтс утверждает, что «язык — это новая машина, построенная из старых частей» (Бейтс 2011: 63—64). Мы же, напротив, стремились показать, что производные (метафорические) значения эволюционно гораздо более молодой компонент семантики слова по сравнению с исходной парой: основное когнитивное значение → основное языковое значение. Производные значения порождены новым (производным) типом референции, при котором референтом слова становится не объект, а лишь его отдельное (симилиативное) свойство. Э. Бейтс полагает, что «овладение языком опирается на относительно гибкое сочетание нейронных систем, которые используются также и для других функций» (с. 78). Но производная номинация это, во-первых, сугубо языковое, а во-вторых, генетически обусловленное нововведение. Оно не может быть продуктом простого научения, см. об этом (Кошелев 2011: 722 и сл.). Дети во всем мире, независимо от этнокультурной и языковой среды, как по команде, начинают овладевать производной номинацией примерно в одно и то же время, в два года — на этапе «речевого взрыва» (см. примеры в конце замечания в п. 1.3). И благодаря этому их прежде однозначные слова обретают многозначность — свойство, присущее всем человеческим языкам и только им.

Подведем краткий итог. Как мы показали, языковое значение (набор узуальных значений) отражает лишь один аспект семантики слова — ее статичное, сложившееся на текущий момент состояние («как... растение, каким оно является в гербарии» — по образному выражению А. А. Потебни¹²). Дополняя круг узуальных значений когнитивным значением, обеспечивающим семантическое обновление слова, мы превращаем полисемант в «живую» единицу ментального лексикона.

Выражаю благодарность М. Б. Елисеевой и Л. М. Лещевой за советы и замечания.

---

¹² «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» (Потебня 1976: 466).

Литература

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
- МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
- Словарь Брокгауза и Ефрона — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 82 т. и 4 доп. т. М., 2001.
- Словарь Даля — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб.; М., 1882.
- Словарь Ожегова — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1970.
- Словарь Ожегова и Шведовой — Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 2006.
- Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1938.
- Словарь Фасмера — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. СПб., 1996.
- Longman — Longman Dictionary of Contemporary English. 5-th ed. Printed in Italy, 2009.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Бейтс 2011 — *Бейтс Э.* Модульность, специализация и развитие языка // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. М., 2011. С. 63—78.
- Блумфилд 2002 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 2002.
- Вежбицкая 2011 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.
- Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
- Елисеева 2008 — *Елисеева М. Б.* Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008.
- Дайсон 2010 — *Дайсон Ф.* Птицы и лягушки в математике и физике // Успехи физических наук. 2010, Т. 180. № 8.
- Жаботинская 2008 — *Жаботинская С. А.* Принципы лингвокогнитивного анализа и феномен полисемии // Проблемы загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя проф. В. В. Левицького / Під ред. Г. Альтмана, І. Задорожної, Ю. Мацкуляк. Чернівці, 2008. С. 357—368.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Кошелев 2006 — *Кошелев А. Д.* О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации // Вереница литер: Сб. статей к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 516—570 (<http://www.old.lrc-press.ru/05.htm>).

- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // *Вопр. языкознания*. 2008. № 4. С. 15—40 (<http://old.lrc-press.ru/downloads/St-20084.pdf>).
- Кошелев 2011 — *Кошелев А. Д.* Почему полисемия является языковой универсалией? (когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // *Слово и язык: Сб. статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. М., 2011. С. 695—735 (<http://www.old.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 2011a — *Кошелев А. Д.* Язык ребенка полутора-двух лет — протоязык его родного языка // *Проблемы онтолингвистики. Материалы междунар. конф. (4—6 мая 2011 г., Санкт-Петербург)*. СПб., 2011. С. 56—62 (<http://www.old.lrc-press.ru/05.htm>).
- Курилович 1955 — *Курилович Е.* Заметки о значении слова // *Вопр. языкознания*. 1955. № 3. С. 73—81.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Лещева 1996 — *Лещева Л. М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. Минск, 1996. (<http://old.lrc-press.ru/05.htm>)
- Матюшенко 2007 — *Матюшенко Е. Е.* Современный молодежный сленг: формирование и функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Мельчук 2012 — *Мельчук И. А.* Язык: от смысла к тексту. М., 2012.
- Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пауль 1960 — *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Рассел 2007 — *Рассел Б.* Проблемы философии // *Избранные труды*. Новосибирск, 2007.
- Реформатский 1996 — *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1996.
- Ривелис 2007 — *Ривелис Е.* Как возможен двуязычный словарь. Stockholm, 2007.
- Стросон 1982 — *Стросон П. Ф.* Идентифицирующая референция и истинностное значение // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1982. Вып. XIII. С. 109—133.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Brugman, Lakoff 1988 — *Brugman C., Lakoff G.* Cognitive topology and lexical networks // *Small S. L., Cottrell G. W., Tanenhaus M. K.* (eds.). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo (CA), 1988. P. 477—508.
- Norvig, Lakoff 1987 — *Norvig P., Lakoff G.* Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: BLS, 1987. P. 195—206.